

ВАВЖАЭЪ

№ 35
1852

1852. № 35.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое издаііе съ пересылкою . . 8 р. 10 к.
Полугодовое 4 . 30 к.
Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/2 коп. есл. со вѣсѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Канторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. Исаконя, Г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во вѣсѣхъ Губернскихъ Почт. Канторахъ.

СРЕДА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ІЮЛЯ 9-го.

Его Императорское Величество соизволилъ отдать слѣдующіе приказы:

Въ Присутствіи Своёмъ въ Петергофѣ.

Іюля 16-го дня, 1852 года. Переводится Тифлискаго Егерскаго полка Подпоручикъ Богомоловъ, въ Грузинскій Ливійный баталіонъ № 16-го. Въ присутствіи Своёмъ на бивуакѣ при рѣчкѣ Стрыкъ у Разбѣгаева.

Іюля 17-го дня. Производится. За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ. Егерскаго Генералъ-Адъютанта Кнѣзя Чернышева полка юнкеръ Бюшминъ, въ Прапорщики. Переводится. Навагинскаго Пехотнаго полка Прапорщикъ Мошляковъ, въ Черноморскій Ливійный баталіонъ № 14-го. Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 14-го Прапорщикъ

Симборскій, въ Черноморскій Ливійный баталіонъ № 12-го. Умершие исключаются изъ списковъ. Самурскаго Пехотнаго полка Прапорщикъ Аскархановъ. Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 13-го Подпоручикъ Ендрюссевскій.

Въ присутствіи Своёмъ въ Петергофѣ.

Іюля 19-го дня. Производится За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ: Состоящій по Кавалеріи и по особымъ порученіямъ при Командующемъ войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, Поручикъ Халютинъ, въ Штабъ-Ротмистры, со старшинствомъ съ 19-го Сентября 1851 года, съ оставленіемъ въ настоящей должности и по Каналеріи. Драгузскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Поручикъ Баронъ Остенъ-Сакенъ, въ Штабъ-Капитаны, со старшинствомъ съ 22-го Августа 1851 года.

Цѣхотныхъ полковъ: Тенискаго, Адъютантъ Начальника Главнаго Штаба войскъ на Кавказѣ находящихся, Капитанъ Баронъ Деллингаузенъ, въ Майоры, съ оставленіемъ въ настоящей должности и съ зачисленіемъ по Арміи. Штабъ-Капитаны: Зеленко и Корекій, въ Капитаны, — всѣ трое со старшинствомъ съ 19-го Сентября 1851 года. Подпоручики: Лукинъ и Андрускій, въ Поручики. Прапорщики: Розалионъ-Сомальскій и Шабловскій, въ Подпоручики. Унтеръ-офицеръ Рыбниковъ, въ Прапорщики. — послѣдніе трое со старшинствомъ съ 19-го Сентября 1851 года; Навагинскаго, состоящій въ должности Дивизионнаго Гевальднера 19-й Пехотной дивизіи, Подпоручикъ Руиовскій, въ Поручики, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Егерскихъ полковъ: Ставропольскаго, Майоръ Кисевскій, въ Подполковники. Поручики: Куликовъ 1-й и Пузевичъ, въ Штабъ-Капитаны. Подпоручики: Захаровъ и Спассаревскій, въ Поручи-

ФЕЛЬТОНЪ.

Отрывокъ изъ походной жизни на Кавказѣ.

27-го Іюля, сборная сотня одного изъ казачьихъ Кавказскихъ полковъ, выступила, подъ предводительствомъ своего храбраго эсaulа, изъ ливійной станицы, и потянулась медленно по большой дорогѣ. Это былъ первый переходъ нашъ къ Ачхою, гдѣ назначалось сборное мѣсто для всего отряда. День этотъ наврное долго не изгладится изъ моей памяти. Въ первый разъ съя я тогда на коня, съ цѣлю, принять участіе въ нанесеніи вреда неприятелю, гдѣ бы и въ какомъ числѣ не показался онъ; въ первый разъ оборонительное положеніе, къ которому долженъ необходимо приготовиться всякій проѣзжающій по Кавказу, не смотря на самую миролюбивую цель его поѣздки, — я промѣнялъ на наступательное и, съ тѣмъ вмѣстѣ, промѣнялъ скромное названіе гражданина, на другое болѣе гордое названіе воина. Съ чувствомъ небольшого уваженія, къ которому, впрочемъ, примѣшивалась и частичка собственного достоинства, смотрѣлъ я на казаковъ, и, не одинъ разъ, мыслю, что можетъ быть многие изъ нихъ не увидятъ болѣе своего дома, пробѣгала въ головѣ моей. Но напрасно старался бы я, вглядываясь въ ихъ лица, заглянуть на одномъ изъ нихъ, то неясное безыконное и ту безотчетную грусть, которая, говорятъ, смерть накладываетъ заранѣе на избранную себя жертву и заставляетъ ее, попеременно, оглядываться назадъ, на весь пройденный путь, гдѣ все кажется теперь такъ мило и гдѣ все прежде казалось такъ тяжело. Не смущались казаки, не задумывались они передъ смертью, которая уже въ первый разъ звала ихъ на пиръ. . . . Видели они ее, и, кто знаетъ! можетъ быть некоторые изъ нихъ уже прикасались своими губами къ ея чашѣ съ кровавымъ виномъ. Да и кто станетъ бояться грозы, когда какое нибудь удовольствіе зоветъ его изъ дома? Кто рѣшится думать о смерти, когда на его долю выпадетъ завидный жребій стать подъ знаменемъ генерала Сѣтцова? А не безызвѣстно было всему Кавказу, что это знамя — доброе знамя. . . .

наше прощанье съ ними, послѣдніе взгляды, слова, будто подаренная намъ, можетъ быть изъ жаости брошенная бѣднѣйка, которые идутъ на чужую сторону, въ незнакомый край, поучиться у Чеченцевъ разнымъ свинцовымъ complimentамъ. Къ тому же у каждаго изъ насъ были разные подарки и талисманы, которые могли, при случай, пригодиться и принести пользу. Вотъ отъ этихъ-то талисмановъ мы и перешли къ лицамъ, отъ которыхъ получены они; котомъ, благодаря такому прекрасному началу, распространились вообще о своихъ знакомыхъ, и наконецъ, когда воображеніе мало по малу разыгралось, разомъ начали толковать о possibleмъ балѣ. А балъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ весьма замѣчательный! начинала уже съ того, что общество давало его въ честь одного, весьма уважаемаго семейства, которое на долго, быть можетъ на всегда, покидало насъ. И вотъ, благодаря нашей впечатлительности, этотъ балъ, широкій и блестящій, снова раскинулся передъ нами. Соединилъ, сблизилъ онъ въ кругу своемъ пестроту всевозможныхъ мундировъ, европейскихъ и азиатскихъ; много достойныхъ офицеровъ привлечь онъ къ себѣ, но между ними я отличаю одного. Резкій движенія, отрывистыя и короткія фразы, блѣдное, какъ будто истомленное лице и поминутный блескъ глазъ, вотъ что отличаетъ этого человека отъ другихъ, да громкая слава еще, которая неотступно плетется за нимъ, да мелкая зависть пожелай, которая плетется по слѣдамъ его. . . . Вотъ онъ! Онъ говоритъ съ хозяйкой бала лице его выражаетъ чувство, уста шепчутъ просьбу. Ему ли, герою имъ отказать! Несуся вольные звуки лезгинки и иррійскій тактъ въ ладоши раздаются отвсюду; шире и шире обозначается кругъ и она, легкая и граціозная, уже медитъ по атому кругу; уже приковываетъ къ себѣ взоры. Но кончилась лезгинка, и еще трюль рукоплесканій не успѣлъ выразить общую благодарность, какъ уже допить бокалъ, и звучный голосъ облетаетъ всю залу: «кто увидитъ чувствительнаго, господя, тотъ приметъ сердцемъ мой тость!» И вслѣдъ за тѣмъ герой претворяетъ кѣтню предъ очарованной его волшебницей. . . . Вы, которую окружалъ онъ, тѣмъ высокимъ уваженіемъ, а въ его слѣдъ позабывали бы болѣе, если бы онъ жилъ по временя древности: просидите мѣсяцъ, если человѣкомъ напомянемъ прощлаго, я вызвалъ бы хотя одно грустное чувство изъ нашего сердца. . . .

И болѣе, чѣмъ когда нибудь, вспоминая весь этотъ балъ, съ его вопиющей обстановкой, съ его членами, мало имѣющими между собою общаго, кромѣ можетъ быть, пули, которую уже отпущать для нихъ немирной Чеченствъ, и припоминая себѣ, въ тоже время, это единодушіе, сложившееся, по видимому, такъ нечаянно, этотъ богатырскій разливъ веселости, которому такъ охотно поддается русскій человекъ, я цѣлою приходу къ тому заключенію, что, конечно, нигдѣ женщина не достигнетъ такого высокаго значенія, и нигдѣ умъ и красота ея не принесутъ столько пользы и благодарной жизни, какъ здѣсь, на Кавказѣ, среди этой образованной, но подъ часъ дикой и своевольной семьи воиновъ. . . . Въ самомъ дѣлѣ, кто они, эти воины, которыхъ служба или честолюбіе привели на Кавказъ? Съ разныхъ концовъ Россіи собрались они и принесли съ собою свои молодые годы, да можетъ быть еще кое-какія воспоминанія о своей матери и сестрахъ, которыхъ, впрочемъ, также легко могутъ потускнѣть, какъ то желѣзо въ азиатскомъ оружіи, которое остается безъ надлежащаго надзора. А Кавказская жизнь не всегда приглубила ихъ, не всегда отзывалась она чувствомъ и лаской на призывъ только что начинающаго еще распускаться юнаго сердца! Напротивъ, очень часто смотрѣла она на нихъ сердито и угрюмо, какъ тотъ педагогъ учитель, предъ которымъ стоить школьникъ, не вытершій своего урока. . . . Такъ и ты, Кавказъ, суровый и недоступный, которому, кажется, не подѣтъ-стать заниматься разными мелкими услугами, не всегда принимаешь привѣтливо молодыхъ гостей своихъ. А они сплеча не замечаютъ ничего. По причинѣ своего горячаго настроенія духа, они не видятъ тѣхъ камушковъ, которые на каждомъ шагѣ, бросаешь ты имъ подъ ноги. Но время беретъ свое, мало по малу избиваятъ оно человека и приходить его въ грустному разочарованію. Уже не радуется теперь взоромъ Кавказъ, прежде такъ часто золотившій его юныя сновиднія; самыя битвы даже, изъ которыхъ нѣкогда цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ складывалась для него лѣстница, высоко уходящая въ небо, не производятъ на него теперь того высокаго впечатленія и того необъяснимаго восторга какъ прежде. Холодный, разсудительный, спокойно смотритъ онъ на рѣзю и гибель и хладнокровно отираетъ съ своего лица кровь, которая

ки, — последние пятеро со старшинством сь 19-го Сентября 1831 года. Прапорщики: *Давыдович, Макош, Грельский 2-й и Пуло*, в Подпоручики, со старшинством: первые трое сь 19-го Сентября, а последний сь 27-го Июля — 1831 года. *Кубанского*, Майору *Усовскій*, в Подполковники. Капитанъ *Пауфиловъ*, в Майоры. Поручики: *Яшикий, Борзенко* и Старшій Адъютантъ Штаба 19-й Пехотной дивизии, *Кочубей*, — все трое в Штабъ-Капитаны, последний сь оставленіемъ в настоящей должности, — все пятеро со старшинством сь 19-го Сентября 1831 года. Подпоручики: *Ушинскій, Губаревъ 1-й, Яшикий 2-й* и *Хмельевъ*, в Поручики, первый со старшинством сь 6-го Мая 1831 года. Со старшинством сь 19-го Сентября 1831 года: Прапорщики: *Сичинскій, Обреско-Ждановъ, Горбачевъ* и *Русановъ* в Подпоручики. Унтер-офицеръ *Рыманъ*, в Прапорщики. Генерал-Адъютанта *Клязь* Воронцова, Поручикъ *Ворошикъ*, в Штабъ-Капитаны. Мингирьскаго, Поручикъ *Камескій*, в Штабъ-Капитаны. Кавказскаго Стрыковского батальона Поручикъ *Новикий 2-й*, в Штабъ-Капитаны, со старшинством сь 5-го Мая 1831 года. *Кавказскаго Линійнаго батальона № 3-го*. Гевальдтеръ Штаба войскъ Кавказской Линіи и в Черноморіи, Капитанъ *Гориковъ*, в Майоры. Поручикъ *Гурчискій*, в Штабъ-Капитаны. Артиллерійскій бригадъ: Кавказской Гренадерской, Подпоручикъ *Семчевскій*, в Поручики, все трое со старшинством сь 19-го Сентября 1831 года. 19-й Полевой, Подпоручикъ *Ричковскій*, в Поручики. 5-го Резервнаго Сапернаго батальона Штабъ-Капитанъ *Заблокій*, в Капитаны, со старшинством сь 19-го Сентября 1831 года. Назначается Командантъ г. Кизляра, состоящій по Арміи Полковникъ *Черединовъ*, Портовымъ Начальникомъ г. Ейска, сь оставленіемъ по Арміи.

Государь Императоръ объявляетъ Монаршенъ благоволеніе, за отличіе, оказанное в дѣлахъ противъ Горцевъ.
Командиру 2-й бригады 19-й Пехотной дивизии и Начальнику Праваго Фланга Кавказской Линіи, Генералъ-Майору *Едокимову*; Полковнику Инженеръ-Полковнику *Свиридову 2-му*; Генеральнаго Штаба Подполковнику *Колыковскому*; Егерскихъ полковъ: Ставропольскаго: Капитану *Далковскому*, Штабъ-Капитанамъ: *Волыскому*; Кубанскаго: *Цыковскому*; Подпоручикамъ: *Брухману*, *Губареву 2-му*; и Грузинскаго Линійнаго батальона № 3-го *Исману*.

Высочайшимъ Приказомъ, по Гражданскому вѣдомству отъ 10 Июня произведены изъ *Титулярныхъ Советниковъ въ Коллежскіе Ассесоры* Новороссійскій Городовъ Стрѣжій Потанико со старшинствомъ со 2 Января 1832 года. Изъ *Коллежскихъ Регистраторовъ въ Губернскіе Секретари*: Писецъ Гражданской Канцелярии Начальника Черноморской береговой линіи Маиа со старшинствомъ сь 20 Июля 1831 года.

Высочайшимъ указомъ даныиъ Капитану Императорскихъ и Царскихъ орденовъ в 12 день Июля, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны третей степени Исправлющій должность Начальника работъ въ Тифлисѣ Инженеръ Капитанъ Гагемейстеръ вь воздаяніе за отличіе-усердную службу, Начальствомъ засвидѣтельствованную.

Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: 1)

Изъ живущихъ вь Тифлисѣ Русскихъ и иностранныхъ ремесленниковъ образовать общество цехи по роду мастерства и не касаясь туземныхъ цеховъ, называемыхъ амкаръ. 2) Для завѣдыванія симъ обществомъ учредить тамъ особое управленіе, подь наименованіемъ Ремесленнаго, которое составить изъ ремесленнаго головы и шести старшинъ, избираемыхъ на сходѣ всехъ мастеровыхъ по баламъ, первый на три, а послѣдніе на два года, и утверждаемыхъ Тифлисскимъ Военнымъ Губернаторомъ, Управляющимъ и Гражданскою частію. Ремесленному голове председательствовать какъ въ Ремесленномъ Управленіи, такъ и на сходѣ всехъ ремесленниковъ. 3) Управленіе это подчинитъ Тифлисскому Городовому Общественному Управленію, на томъ самомъ основаніи, какъ ремесленные головы и Управы во внутреннихъ губерніяхъ подчинены Городовымъ Думаемъ, Магистратамъ и Ратушамъ. Ремесленнаго голову приглашать также во все заведенія Городоваго Управленія, въ коихъ будутъ разсматриваться дѣла, до ремесленниковъ относящіяся, и засѣдать ему въ ономъ на правахъ члена. 4) Ремесленному Управленію вь Тифлисѣ руководствоваться тѣми правилами и постановленіями, кои по общимъ узаконеніямъ о цеховомъ учрежденіи возложены на Ремесленныхъ головъ и Управы или Цехи, а также подмастерскую Управу. На Ремесленное Управленіе возложить все вообще обязанности, постановленныя статьями: 572, 575, 579,

ручьемъ брызнула на него изъ рапы товарища. Нѣтъ вь немъ больше сомнѣнія, не осталось мѣста для чувства: привычка видѣть безпрестанно, передъ своими глазами, смерть, которая остановила на полдорогѣ однихъ; неудачи, которыя не дали хода другимъ, можетъ быть и ему, пока еще было время, наконецъ счастье и ловкость, которая подъяли третьихъ. . . О, тутъ было много, вь этой кавказской жизни, разныхъ камушковъ и маленькихъ огорченій! А эта безпрестанная походная жизнь, этотъ эгоизмъ, который преслѣдуетъ насъ вездѣ, даже за стаканомъ вина, вь кругу добрыхъ товарищей, когда, кажется, все и душа и кошелекъ просится настежь. Не совсемъ хорошо все это кажется съ непривычки! Надо разсвѣтаться, думать новичекъ. И вотъ онъ идетъ вь первую гостинную за разсвѣтаніемъ. . . Передъ круглымъ столикомъ, на диванѣ, или гдѣ нибудь, вь креслахъ что ли, встречаетъ его барыня Центра, или котораго нибудь изъ кавказскихъ Фланговъ, какъ ихъ обыкновенно здѣсь отличаютъ, и приглашаетъ гостя садиться и начинать говорить ему разные пріятныя рѣчи. Недурно говорить она. И красива собой, и мила, и есть грація вь движеніяхъ, и пріятна вь обращеніи. И бѣжить непринужденный разговоръ отъ одного предмета къ другому, касаясь разныхъ разностей, и перебирая, на бѣгу своемъ, все что ни придетъ въ голову и не бросится на глаза. А между тѣмъ гостинная наполняется новыми лицами; каждый изъ нихъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, вноситъ свое слово и свою мысль, и, повидимому, все обстоитъ благополучно. . . Но вѣсть скукою отъ этихъ разговоровъ, но пусты они кажутся новичку. Э, нѣтъ, это что-то не то, думаетъ онъ и идетъ дальше, вь другую гостинную, отыскивая другую женщину. Счастливы же будетъ онъ, если, наконецъ, удастся ему найти для себя милый и радушный уголокъ, гдѣ, хоть повременамъ, хоть изрѣдка, можетъ онъ забывать свою тревожную жизнь и гдѣ, съ каждымъ разомъ, убѣждается онъ все больше и больше, что никогда не вынесетъ оттуда ни досады, ни сожалѣнія за потраченное время. Еще счастливыѣе будетъ онъ, если, каковы бы ни были условія его жизни, онъ постоянно сохранять вь неизмѣнной чистотѣ и святости тѣ правила, которыя принялъ изъ устъ своей матери, и ни разу не присоединился къ тому несчастному разряду героевъ, для которыхъ чести женщины давно уже утратила свое значеніе, и давно обратились во что-то худшее намяшки и презрѣнія. Но еще счастливыѣе и вь миллионъ разъ завиднѣе будетъ жребій той женщины на Кавказѣ, которая

постоянно выходила чистою и всегда больше достойною уваженія изъ того непрерывнаго ряда атакъ, смѣлыхъ и упорныхъ, которыя ведутся около нее, и гдѣ не разбираютъ средствъ и оружія. Завидна и прекрасна будетъ ея доля, если, обративши на путь истины невѣрующихъ, и приобрѣтши участіе и уваженіе однихъ и любовь другихъ, она пойметъ наконецъ какъ много добраго и хорошаго могутъ сдѣлать вь этомъ обществѣ, сложившемся Богъ знаетъ изъ какихъ случайностей, ея доброе сердце и образованный умъ и самая красота, пожалуй даже хоть не важная. . .

Безъ всякаго сомнѣнія, Кавказъ ни когда не оставался и не останется безъ достойныхъ женщинъ, которыя бы могли служить украшеніемъ его общества. Доказательствомъ тому служилъ послѣдній балъ и наконецъ мы сами, то есть, тѣ офицеры, которые, если помнитъ читатель, ѣхали впереди казанкой сотни. Мы говорили, чего только не говорили мы подь вліяніемъ своихъ воспоминаній. Богъ знаетъ къ чему бы привело насъ подобное направленіе, если бы эсауль Е. старшій насъ тогда и вообще, все время, мало раздѣлявшій наши восторги, и напротивъ, старавшійся всегда излагать предметы болѣе практически, и состорожно, такъ сказать, наимолезнаго ихъ примѣненія къ чему нибудь уже давно существующему, не прервалъ вдуру нашего гимна слѣдующими словами: — а намъ, господа, надобно завести такой порядокъ, чтобъ субалтернъ-офицеры непременно дежурили по сотнѣ, по очередно. Да оно и лучше, прибавилъ онъ, спустя не много Тревога ли, на фуражировку-ли, приказаніе-ли передать какое, все лучше, какъ есть дежурный вь сотнѣ. Хуже этого ни чего не могло быть. Все наши мечты разлетѣлись, все наши видѣнія разбѣжались. Какъ то сухо и сурезно глянула намъ вь глаза ожидающая насъ впереди дѣйствительность, холодомъ повѣяла она. . .

Но да позволено мнѣ будетъ здѣсь, читатель, сдѣлать не большое отступленіе и, пользуясь имъ, представить вамъ нѣкоторыхъ офицеровъ.

Прежде всего, передъ вами полковой адъютантъ, сотникъ С. Я убѣжденъ, что видѣвши его разъ на конѣ, вы непременно пригласите его къ себѣ, вь гостинную. Что это за удивительный, право, казакъ наѣздникъ! Представьте себѣ: не большой ростъ, хорошенькое, блѣое лицо, къ которому едва только коснулся загаръ кавказскаго солнца, легкій пухъ вѣсто усовъ и бороды, и ко всему этому, общее выраженіе, хитрое и простодушное вѣзѣтъ. Но костюмъ его? Это верхъ азиатскаго щегольства!

Посмотрите, вь самую дѣль, какъ на немъ все хорошо шито и сидитъ, начиная съ курчавой, длинно-пушистой пахахи, которая спускается отъ верхней линіи лба къ затылку, кокетливо обрисовываетъ его лице — до самыхъ походныхъ чевякъ. А эти бешметы, эта безукоризненная череска, надѣтая поверхъ мерлушечьей шубки. Впрочемъ, вы не думайте, чтобъ эта шубка прикрывала грудь! Какъ можно! Шубка у казака и притомъ казака джигита только набрасывается на плечи, и на груди оторачиваетъ весьма красиво череску, но самая грудь и шея, сохрани Боже, чтобы они были закрыты чѣмъ нибудь теплымъ отъ вѣтра и холода. Тутъ для защиты полагаются только одна шелковая рубашка, да два, три бешмета, тоже шелковыхъ и подбитыхъ однимъ вѣтромъ. . . Теперь, къ этому костюму, вь которомъ каждая складочка говоритъ о заботливости и вкусѣ хозяина, прибавьте еще полный арсеналъ азиатскаго оружія. Взгляните, напримѣръ, на эту винтовку, заброшенную, вь чехлѣ, за спину. Я увѣренъ, что онъ за нею ухаживаетъ болѣе, чѣмъ будетъ ухаживать за своею дамою, если влюбится. Обратимъ же теперь вниманіе на пистолетъ нашего джигита, на пашку и на эту кучу маленькихъ бездѣлушекъ, которыя, по видимому, надѣты на ремень, что обтягиваетъ талью, только такъ, для одного украшенія, а между тѣмъ каждая изъ нихъ имѣетъ свое походное назначеніе. Даже походная трубка тутъ не забыта. И все это отличнаго достоинства, вездѣ сверкаетъ серебро. . . Но вотъ онъ садится на коня. Смотрите теперь хорошенько. Не пропускайте ничего, не развлекайтесь ничѣмъ. Онъ трогаетъ уздечку. Лице его одушевляется, легкій румянецъ вспыхиваетъ на блѣдныхъ щекахъ, и каждая поза такъ и просится на картинку. Визивается конь на дыбы, ловкій всадникъ горячитъ его, бросаетъ вь ту и другую сторону, потомъ ударъ нагайкой и бѣшеный конь уже опережаетъ вѣгерь. Но не выходя уздечки, выхватываетъ онъ изъ за плеча винтовку; стволъ ея блеститъ на солнце, ровно и незыблемо поддерживаемый лѣвою рукою; затѣмъ всадникъ вдуру оборачивается назадъ, на своемъ сѣдлѣ. . . цѣлитъ вь васъ, выстрѣливъ, облако дыму покрываетъ его, и только вдали, за этимъ дымомъ, видно, какъ онъ крутится и вьется около своего коня и припадая къ землѣ, едва не касаясь ея лицемъ своимъ. . .

Но пора оставить его вь покоѣ и замѣнить другимъ. Этотъ другой господинъ Е. командиръ сборной сотни. Заговоря объ немъ, я долженъ сказать, что вь его наружности ровно ничего нѣтъ, чтобы вь глаза бросалось. Но этого

588, Т. XI. Св. Ремес. Пост. (изд. 1842 г.) 5) Правила и постановления, изложенныя того же Тома и Свода, а также въ продолженіяхъ оного, въ ст. 552, 557, 401, 402, 404—406, 416, 417, 429, 451, 453—445, 446—477, 601—647, 663—674 распространить на учреждаемую въ Тифлисѣ Ремесленную Управу Русскихъ и иностранныхъ мастеровъ; но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится о пеховыхъ старшинахъ и Управлахъ, или же о подмастерской Управѣ, подразумевать Ремесленное Управленіе. Назначеніе количесва ценн, взимаемой за неисполненіе ремесленныхъ постановленій, предоставить ремесленному сходу. Въ отношеніи веденія книгъ Управленія, поручить ремесленному сходу рѣшить: на какомъ языкѣ онѣ должны быть ведены? Перенести Управленія съ другими мѣстами и лицами производить на Русскомъ языкѣ. 6) Если кто изъ ремесленниковъ-туземцевъ изъявитъ желаніе вступить въ подчиненность Управленія, то это ему не возбраняется, и 7) Предоставить главному начальству Закавказскаго Армія дополнить и разъяснить означенныя выше правила, по его ближайшему усмотрѣнію, соответственно какъ местнымъ обстоятельствамъ края, такъ указаніямъ опыта. По распоряженію сего главнаго начальства, составить подробныя правила въ руководство Управленію и ремесленникамъ, прибывающимъ къ тѣмъ, кои изложены въ представленномъ Намѣстникомъ проектѣ, включивъ и тѣ общія постановленія, кои, по су-

ществу настоящаго положенія, должны имѣть силу въ отношеніи Тифлискихъ ремесленниковъ изъ Русскихъ и иностранцевъ. Затѣмъ правила сіи перевести на мѣстные языки, дабы ни одинъ ремесленникъ не могъ отговариваться незнаніемъ оныхъ.

(С. В.)

Въ видахъ скорѣйшаго заселенія Мангшлякского-Полуострова, близъ Тюль-Корочанскаго-Залива, на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря, Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ, вхождая съ представленіемъ въ Комитетъ Г. Министровъ о назначеніи состоянія на рекрутской очереди претендентовъ къ переселенію на означенный полуостровъ, не обязывая и общества, отъ которыхъ зависить согласіе на увольненіе, къ исполненію этой новизны за предпринимающихъ переселеніе.

По положенію о семь Комитета Г. Министровъ, 13 и 29 Апрѣля сего 1852 года, Государь Императоръ означенное представленіе его Высочайше соизволилъ утвердить.

Въ Приказѣ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, отъ 28-го Мая 1852 года № 1325, изображено, въ пунктахъ:

II.

«Командиръ Школы Гвардейскихъ Подпрапор-

щиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ Генералъ-Майоръ Сутговъ, на основаніи приказа по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, за № 45, представилъ бывшаго убитому Генералу, получившему воспитаніе въ семь Заведеній:

Начальникъ Владикавказскаго Военнаго Округа, Генералъ-Майоръ Слыщовъ, 10-го Декабря 1851 года убитъ въ дѣлѣ съ горцами на правомъ берегу рѣки Гехи.

Станицу Сувиженскую, Высочайше повелѣно наименовать Слыщовскою, въ память того, что Генералъ-Майоръ Слыщовъ, образовавъ Сувиженскій Казачій полкъ, постоянно водилъ его къ побѣдѣ.

Въ разрѣшеніе представленія Командира Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, предписываю: означеннаго бывшаго воспитанника сего Заведенія вписать нынѣ же на черную мраморную доску, находящуюся въ церкви Школы.»

III.

«Управляющей Военнымъ Министерствомъ Генералъ-Адъютантъ Князь Долгоруковъ 1-й, отношеніемъ отъ 15-го сего Мая за № 4,936, Меня уведомилъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Моего ходатайства о срокахъ службы Офицеровъ изъ горцевъ, Грузинскихъ дворянъ и мусульманъ Закавказскаго края, находившихся на воспитаніи въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, Высочайше повелѣлъ соизволилъ:

быть не можетъ въ самомъ дѣлѣ, чтобъ эти атлетическія плечи и эта широкая грудь, какія только и можно еще отыскать въ нашей матушкѣ Россіи, гдѣ богатѣе имѣть перевода и, по сіе время, всякаго человека довольно, не обнаружилась хоть разъ молодечествомъ и не оставили за собой, въ походной мольбѣ, какую нибудь о себѣ память. То правда, что онъ не блещетъ какъ С. въ Джигитовкѣ, еще мѣлче видѣвъ онъ въ восточной, съ барынями, которая, извѣстно, любить чтобъ былъ молодецъ и хорошій и воспитанъ... но за то, въ ручной схваткѣ, лицомъ къ лицу съ неприятелемъ, гдѣ нужна и сила, и сметка, о, я уверяю, что тамъ онъ хоть кого обгонитъ. И дѣйствительно, не разъ слышалъ я, что этого самый эсаулъ, въ пылу одного боя, когда видно разгулялась не много кровь въ его жилахъ и загучало азартъ и досадой сердце въ груди его, выскакать вдругъ на того самаго Чеченца, который только-что передъ тѣмъ свалилъ лучшаго изъ казаковъ его. Въ самый упоръ прильнулъ тотъ въ него, — осѣчка; хватилъ изъ пистолета, мимо. Какъ рассердился тутъ эсаулъ, какъ размахнулся онъ со всего плеча и во всю свою силу шашкою, только вѣтеръ извиль подъ ударомъ, да еще Чеченецъ разлетѣлся предъ нимъ на двое. Такъ тутъ и ахнули все въ отрядѣ! Тотчасъ, послѣ боя, главнокомандующій поздравилъ его съ славными чиномъ, а товарищи, которые были свидетелями всей этой сцены, не могли воздержаться, чтобъ не сказать ему тутъ же: «ну, Данило! На градилъ тебя Богъ десницею крѣпкою и сильною. Не желаемъ и другу и не другу попасться подъ нее».

А между тѣмъ мы все шли да шли впередъ. Вотъ уже и Назрань и Суижа, гдѣ являлись мы начальнику отряда, генералу Слыщову, остались за нами, вотъ наконецъ и Ачхой, въ которомъ назначенъ сборный пунктъ для всего отряда, открылся предъ нами. Чудное это было время! Навѣрное нескоро изгладится изъ моей памяти эти дни переходовъ и эти ночлеги въ поименованныхъ станицахъ и укрѣпленіяхъ. Все такъ хорошо было тогда. Стѣна широкая ляжетъ предъ нами, ограниченная справа, на дальнемъ горизонтѣ, громадами Кавказа, съ разсыпавшимися на ней по всюду стогами сѣна, съ длинными вереницами ауловъ, съ нескончаемыми полосами вспаханной земли... смотришь на все веселыми глазами: и на эту стѣну, на голубой сводъ неба, на этихъ полузамыренныхъ обитателей, на дальніе круги горнаго орла, на рѣчку, которая быстро и вольно несется по широкой стѣнѣ, на зайца, который шмыгнулъ предъ глазами, и испуганный, уже бѣжитъ и непременно хочетъ уйти, надвѣясь на быстроту своихъ ногъ. Но не уйти ко-

сому. Безчисленныя крики и исканье открыли его. Вотъ десятка два всадниковъ понеслись на перерѣзъ ему и рассыпались вѣдани, играя конемъ и оружіемъ. Вотъ выстрѣлъ, другой, третій... но поворно мечется зайць изъ стороны въ сторону, и не всегда ятки выстрѣлы, направленные съ коня, на всемъ скаку его. Разговаривать ли оспль начнемъ, и прежнія походы, въ которыхъ лично участвовали многіе изъ нашего кружка, теперь ежедневно увеличивающагося, и разныя происшествія, которыя обновляются въ нихъ памяти, при видѣ каждаго холма и каждой балки, все это придаетъ нашей бесѣдѣ необыкновенную живость и непрерывно мѣняющійся характеръ, то грустный и трогательный, то веселый и беззаботный... Вотъ здѣсь, говорить одинъ, вечеромъ на одного казака напало трое Чеченцевъ. Тотъ искалъ свою лошадь и признавая за казаковъ приближающихся къ нему хищниковъ, спросилъ ихъ: «а что не видали ли вы коня?» Тѣ, вместо отвѣта, дали по нему залпъ и бросились въ шашки. Долго отбивался отъ нихъ раненый уже казакъ, ранилъ самъ, въ свою очередь, кое-кого, и потомъ, когда подосѣвшая къ нему помощь взяла его, всего избитаго, но все еще махавшаго шашкой, онъ, послѣ, на все спросы командировъ: какими образомъ спасся, отвѣчалъ: «отмахався, ваше благородіе!»... А вотъ здѣсь, говорить другіе, въ этой балкѣ, уже на пятерыхъ казаковъ, вѣхавшихъ ночью съ поста въ станицу, напала неожиданно неприятельская партія, и всѣхъ перерубила, за исключеніемъ одного, который, раненый самъ, успѣлъ однакоже привести въ ближайшую станицу печальную вѣсть о своихъ товарищахъ... А здѣсь вотъ, въ виду этого поста, погибъ Карамышевъ. Я зналъ его, этого молодого юношу. Только что выпущенный изъ корпуса, веселый, румяный, охотникъ поболтать, потанцовать. Бывало мы все его называли «саперникомъ», въ отличіе отъ другихъ его товарищей, уже позмужавшихъ Саперовъ. Побѣхалъ онъ разъ изъ Назрана на Суижу, и не добѣхалъ. Встрѣтился съ нимъ три всадника и одинъ изъ нихъ, поровнявшись съ Карамышевымъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, съ крикомъ: — «а куда же ты ѣдешь подлецъ!» «А вотъ тебѣ подлецъ!» отвѣчалъ Карамышевъ, выдергивая шашку, и рубнулъ, да говорятъ крѣпко рубнулъ своего убійцу. Но что пользы; не успѣли и подскочить къ нему конвоировавшіе его казаки, которые въ ту минуту остались зачѣмъ-то, какъ уже все было кончено. Не долго жилъ, послѣ того, привезенный на Суижу Карамышевъ, но какая-то несбыточная мечта о выздоровленіи не покидала его. Даже умирая онъ

твердилъ еще: — «охъ, только бы выздоровѣть мнѣ къ Декабрю, только бы былъ въ отрядѣ съ Николаемъ Павловичемъ!» Въ томъ отрядѣ хотѣлъ онъ быть, въ которомъ шли мы теперь, и того Николая Павловича упоминалъ онъ, который командовалъ всеми нами. вздохнули мы, провѣдая мѣсто, гдѣ убили Карамышева. А что-то насъ ждегъ впередъ? вѣроятно подумали многіе изъ насъ въ эту минуту. Вотъ и прошлаго года, этою же самою дорогою, вѣхали мы и среди насъ былъ Масляничкин, котораго долго еще не забывъ намъ товарищ!... Былъ съ нами тогда и Хомутовъ, что прѣхалъ съ Дону окреститься въ кавказской купели. Гдѣ-то теперь онъ, что вотъ еще такъ недавно шутили и съѣзжались, вывѣзая на последнюю свою ораву. Въ Чеченскихъ лѣсахъ отдали они Богу свою душу, на Сувиженской кладбищѣ похоронены они... еще крѣпче вздохнули мы и задумались, вспоминая, что вѣдь каждый изъ насъ можетъ заснуть на этомъ кладбищѣ. Эхъ, жизнь-то военная, подумаешь, изъ какихъ ты плохихъ нитокъ сшита! Такъ и рвется во все стороны.

А вотъ здѣсь, говорилъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ, на этой самой горѣ стоялъ Шамиль и распорядился дѣйствіями, когда въ 1841 году, онъ вздумалъ осадить Назрань и уже заранѣе дѣлалъ въ умѣ своемъ добычу. Но съ крикомъ и воплями оросилась на него виллица, собравшаяся изъ многочисленныхъ, окрестныхъ ауловъ, и долго и упорно билась и рвалась она съ Чеченцами, подерживаемая огнемъ крѣпости и дружными усилиями Русскаго гарнизона. Такъ ничего и не взявъ тогда Шамиль. А вотъ, здѣсь, на этихъ горахъ, какъ море волновалась его толпа, когда въ 1846 г. онъ шелъ въ Кабарду, надвѣясь, взбунтовать ее.

И неустойчиво было слушать эти вѣчныя рассказы про жизнь и смерть кавказскихъ воиновъ, и про эти безпрестанныя набѣги и битвы съ неустойчивымъ неприятелемъ. И нескучно было также оглядываться назадъ на казацкую сотню, которая, въ какихъ нибудь 20 шагахъ отъ насъ, нестройно двигалась по чистому полю, освѣщаемая своимъ краснымъ значкомъ, между тѣмъ, какъ сгрунпировавшіеся впередъ пѣснники поютъ про казацкую славу старинныхъ временъ и вспоминаютъ въ пѣсняхъ своихъ старыхъ гетмановъ: Дорошенку и Сагайдачнаго. И чудится, будто не далеко отъ насъ это время и эта слава, будто всталъ и одѣлся только новою силою прежній геройскій духъ въ вышнемъ поколѣніи, будто взаправду идемъ мы подъ началомъ стараго Дорошенки...

(Продолж. будетъ.)

1) Шестиполковую службу в Кавалерийских и Пехотных полках, расположенных в России, воспитанников Военно-Учебных Заведений, вообще из горцев, Грузин и мусульман, выпускаемых из Кадетских Корпусов Офицерами и юнкерами, считать обязательною.

2) В случае неудовлетворительного служения в означенных полках, переводить их в батальоны Внутренней Стражи, расположенные преимущественно в северной, средней и южной полосах Империи.

3) Если по каким-либо причинам они будут уволены от службы до истечения шести лет со времени выпуска из Кадетских Корпусов, то обязывают их жить в губерниях, о коих упомянуто выше сего во 2-м пункте, отнюдь не дозволяя возвращаться на Кавказ ранее срока, и

4) Исключение из сего допускать в тех только случаях, когда начальство Кавказского края найдет необходимым по семейным обстоятельствам особенной важности, сократить для кого-либо из упомянутых воспитанников срок службы и пребывания в России.

О таком Высочайшем повелении объявляю по Военно-Учебным Заведениям для сведения, в дополнение к приказу Моюму за № 1,446.

Тифлисъ.

7-го числа в 3 1/2 часа пополудни, на Сионской улице загорелась принадлежащая Сионскому Собору лавка, в коей производилась продажа табаку и папирос Ахалнским жителем Пегосом Лориковым. Пламя мгновенно обхватило внутренность лавки и угрожало пожаром соседним зданиям: караван-сарая Ариуни и лавкам Поручика Мирзоева. Быстрое действие прибывшей на место происшествия пожарной команды прекратило огонь, а с этим устранена и опасность, угрожавшая смежным строениям. По показанию самого лавочника сгорело у него разное курительного материала и кредитными билетами на 300 руб.

Причины пожара еще неизвестны.

В продолжении июня месяца убито крупного скота на тифлисской градской бойне 1235 штук и баранов 4979.

Изъ Нахичевани пишут, что 3-го июня во многих деревнях Аралагаскаго участка, градом побиты поспевшие ячменя и хлѣба, отчего жители понесли убытка до 5000 руб.

В селении Черемахъ, Сигнахскаго уезда, Зарскаго участка, 4 июня град истребил часть поспевших и виноградные сады; убытокъ простирается до 1500 руб. сер.

Занимается постоянно около 15-ти летъ времени Археологическо-Историческими исследованиями Древне-Еврейскаго народнаго быта, А. С. Фирковичъ, главный учитель Кавказской, членъ-сотрудникъ Императорскаго С.-Петербургскаго Русскаго Географическаго Общества и корреспондентъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, собравъ во время своего путешествія, предпринятаго имъ, по порученію Его Свѣтлости Князя М. С. Воронцова, по Крыму, на Кавказѣ и за Кавказомъ, много примѣчательныхъ Археологическо-Историческихъ матеріаловъ, изъ которыхъ нѣкоторые извѣстны уже въ ученомъ свѣтѣ. Желая посвятить многолѣтніе труды свои на общую пользу, онъ Фирковичъ приготовилъ къ выпуску книгу подъ заглавіемъ «Сборникъ Надписей» числомъ около 391. Надписи эти открыты были на камен-

ныхъ надгробныхъ караимскихъ памятникахъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, находящихся на кладбищахъ при Чукотъ-Кале в долине Иосафатовой, называемой этимъ именемъ по примѣру находящейся въ Иерусалимѣ; а также въ Мангунъ-Кале, Солхатъ (въ Старомъ-Крыму), Кафъ, Феодосіи и Евпаторіи съ примѣчаниями, рисунками, видами и съ указательнымъ планомъ означенной Иосафатовой долины. Изданіе это будетъ печатано подъ надзоромъ самого издателя въ Вильнѣ въ двухъ столбцахъ, изъ коихъ одинъ на Еврейскомъ языкѣ, а другой на Русскомъ. Оно будетъ служить началомъ къ послѣдующимъ изданіямъ рукописныхъ надписей. Имена Гг. подписавшихся будутъ напечатаны при книгѣ. (1)

Ярмарки на Кавказѣ.

Въ теченіи настоящаго года въ различныхъ селеніяхъ Ставропольской губерніи, было нѣсколько ярмарокъ, торговли обороты коихъ были довольно значительны, принимая въ соображеніе незначительность этихъ селеній.

5 марта на ярмаркѣ въ селеніи Новосгорльскомъ продано было товару на 18,500 руб. сер.

Въ сел. Медвѣжьемъ, Ставропольскаго уезда, на ярмаркѣ 25 марта продано товару и разнаго скота на 44,503 р. сер. Хотя погода благоприятствовала этой ярмаркѣ, но она была хуже прошлогодней по незначительному съѣзду сельскихъ жителей, которые, пользуясь благоприятною погодою, занялись полевыми работами, и отъ приближенія праздника Свѣтлага Христова Воскресенья, до наступленія котораго они сѣзили положить начало земледѣлію.

25-го же марта, въ с. Медвѣдскомъ, Пятигорскаго уезда, ярмарка была замѣчательна по большому количеству пригнаннаго къ нея различнаго скота коего было продано на 6,000 р. сер. лошадей на 2,000 р.

25 апрѣля, въ сел. Петровскомъ Ставропольскаго уезда происходила ярмарка, на которой продано было товаровъ до 6,000 р. сер.

Донесеніе Академика Броссе Его Свѣтлости Князю Михаилу Семеновичу Воронцову.

(Перъ съ французскаго)

Сентиментальное Возгласіе!

Честнымъ образомъ Вашей Свѣтлости, прочитанное мною въ засѣданіи Академіи Наукъ 6-го Февраля, донесеніе о поѣздкахъ, совершенныхъ подъ покровительствомъ Вашимъ г. Димитріемъ Мегвинетхусовымъ, изъ Горинъ, по случаю коихъ Вамъ угодно было въ 1849 году истребовать мнѣніе Академіи и для которыхъ составленъ былъ мною планъ.

Г. Мегвинетхусовъ выполнилъ еще только часть своей программы; но Ваше Свѣтительство можете усмотрѣть изъ этого донесенія, что молодой путешественникъ успѣлъ уже собрать множество важныхъ фактовъ и документовъ.

Если Вашей Свѣтлости благоудно будетъ приказать перевести донесеніе мое и помѣстить его въ газетѣ „Кавказъ“ то это конечно возбудитъ соревнованіе Грузинъ, лю-

(1) Цѣна каждому экземпляру на мѣстѣ 5 рублей, а съ пересылкою по всѣмъ Русскимъ городамъ 5 рублей 50 коп. серебромъ.

Мѣстопробываніе г. Фирковича въ Г. Перекопѣ, Таврической губерніи.

бующихъ свою родину; онъ также удивитъ въ томъ и новое доказательство высокой заботливости Вашей о всемъ томъ, что интересуетъ народы, попечительному управленію Вашему вверенные.

Г. О Грузинскихъ путешественникахъ.

Многія изъ причинъ, увлекающихъ человека изъ отечества для посѣщенія чуждыхъ странъ, не имѣли никакого дѣйствія на древнихъ Грузинъ: имъ не известны были ни любознательность, ни духъ промышленности — возбуждаемые желаніемъ приобрести новыя идеи посредствомъ сравненія, или расширить кругъ торговыхъ сношеній, возбудить и удовлетворить потребности, порожденные успѣхами просвѣщенія. Грузины были сами по себѣ слишкомъ мало образованы, слишкомъ чужды промышленной дѣятельности и слишкомъ охотно довольствовались удобствами внутренней мѣшовой торговли, чтобы чувствовать стремленіе къ путешествіямъ изъ любознательности, или съ торговою цѣлю.

Тѣ изъ нихъ, которые временно оставляли свою счастливую родину, принуждаемы были къ этому или силою, или духовными потребностями, или военными обстоятельствами. Однимъ словомъ грузинскіе путешественники были или богомольцы, или пѣвники, или воины.

Неговоря здѣсь о путешествіи, нѣсколько сомнительномъ, царя Миріана въ Иерусалимъ въ IV вѣкѣ; о путешествіи болѣе достоверномъ семейства царя Гургаслана къ Святымъ мѣстамъ, сто лѣтъ спустя, мы знаемъ, что въ X вѣкѣ множество Грузинъ отправлялись въ Грецію, — одни съ цѣлю воспользоваться милостями Императорскаго Двора, с другіе для изученія Богословія въ монастыряхъ Аѳонской горы. Странствованія Георгія Мтацмидели въ тѣ же мѣста, въ Иерусалимъ, чрезъ Сирію, известны намъ изъ интересной исторіи его жизни. Въ XII вѣкѣ, по свидетельству армянскаго историка Вардана, царь Давидъ послалъ сорокъ молодыхъ Грузинъ въ Грецію для изученія тамъ наукъ и изящной словесности; и если, что весьма вѣроятно, это повторилось и въ послѣдующія царствованія, то безъ сомнѣнія прекрасное развитіе національной литературы во времена Тамары приготовлено было этими молодыми последователями эллинской науки. Отъ всѣхъ этихъ странствованій намъ осталось лишь одно воспоминаніе, заключающееся въ нѣсколькихъ строкахъ армянскаго историка.

Что же касается до военныхъ походовъ Грузинъ въ ихъ страны, то сколько извѣстно, крайними предѣлами ихъ были: на Ю. З. Требизондъ; на В. Гургаджъ, Хоросанъ и стороны Дагестана; быть можетъ до Дербента; къ Ю. они едва ли переправлялись за Араксъ. Вообще они переходили за рубежъ своего отечества только по временамъ, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ возвращаться и спокойно пользоваться добычею среди своихъ горъ. Разказы объ ихъ походахъ весьма мало обогащаютъ общую массу географическихъ свѣденій.

Въ XIII вѣкѣ, въ эпоху самыхъ блистательныхъ ихъ завоеваній, а также и паденія ихъ въ слѣдствіе сокрушительнаго нашествія Монголовъ, многіе извѣстные Грузины совершили путешествіе въ Болгару и въ Карагуму, но по недостатку любознанія, которымъ отличались Армяне, разлившіе ихъ несчастія, они не передали намъ ничего сколько нибудь подобнаго интересному описанію путешествія царя Гетума, составленному Киракосомъ Гандзакскимъ.

Царь Вахтангъ VI-й принадлежалъ къ тѣмъ Грузинамъ, которые, конечно, не по собственной волѣ болѣе проникли путешествовать въ отечества. Онъ вѣдѣлъ изъ Тифлиса въ Ис-

34105340
3105-111033

пагань и обратно; потомъ вновь, до границъ Персїи, въ Кирманъ, въ Гератъ, и еще изъ Тивдиса въ С. Петербургъ и наконецъ въ Астрахань, гдѣ и умеръ въ 1757 году. Двоюродный его братъ, монахи Сулханъ-Саба, известень по путешествіямъ своимъ въ Персію, въ Италію, во Францію въ Турцію, и наконецъ въ Москву, гдѣ онъ и погребенъ. Сулханъ первый изъ Грузинъ, оставившихъ письменный рассказъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ; онъ описалъ путешествіе свое по Западной Европѣ въ 1713 году. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ той части этого описанія, которая относится до Франціи; полагаю, что здѣсь по крайней мѣрѣ найдти бы можно было нечто другое, нежели скудное иеніеиіе монастырей и мѠей, которое до нельзя утомляетъ читателя при описаніи повздки его въ Римъ, во Флоренцію и во все главные мѣста Италіи. Очевидно, что человекъ этотъ, столь замѣчательный впрочемъ, не имѣлъ ни какого понятія ни объ искусствахъ, ни о наукахъ, ни о промышленности, ни даже о сравнительной политикѣ. Знатность и величіе властей, роскошь свѣтской жизни и церковнаго благолѣпія были единственными предметами, обратившими на себя его вниманіе.

Въ 1756 году другой Грузинъ, Тимофей Габашвили, митрополитъ тивдисскій, совершилъ обширное путешествіе на Олимпъ, на Святую гору, въ Иерусалимъ и во все тѣ мѣста, которыя когда либо посѣщались его благодѣтельными соотечественниками, и онъ завѣщалъ намъ, не личное достоинство, описаніе этого путешествія въ своей книгѣ «Посѣщеніа» изображающей положеніе дѣлъ въ половинѣ ХІП столѣтія. Подлинникъ этого сочиненія, какъ утверждаютъ, хранится въ Азіатскомъ музеумѣ, въ замѣчательномъ собраніи рукописей, Высокочайше пожалованномъ, Академіи въ 1848 году.

Около 1789 г. Епископъ Русскій Іона отправился въ Константинополь, посѣтилъ Афонскую гору, малую Азію и прибылъ въ Венецію, откуда направилъ путь свой въ Суэцъ и на Синайскую гору; возвратясь въ Триестъ, онъ проѣхалъ чрезъ Австрію, пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Молдавіи и Валахіи и составилъ описаніе семи-лѣтнихъ непрерывныхъ странствованій своихъ; послѣ чего онъ переехалъ на жительство въ Москву, гдѣ и скончался въ 1821 году. Онъ похороненъ въ Покровскомъ монастырѣ. Его рассказъ, хотя весьма скатый, содержитъ однакоже историческія указанія, изъ которыхъ видно, что онъ не оставался чуждымъ, подобно предшественнику своему, всему вокругъ происходившему. Хотя и трудно опредѣлить съ точностію цѣль его путешествія, но можно однако вывести изъ описанія то заключеніе, что онъ ходатайствовалъ до дѣламъ своего отечества при разныхъ дворахъ, и въ особенности при Дворѣ Императрицы Екатерины.

Есть еще, какъ утверждаютъ, описаніе мнимаго путешественника по Кавказскимъ горамъ, составленное покойнымъ царевичемъ Іоане, человекомъ весьма свѣдущимъ. Представляемый имъ путешественникъ, монахъ, по имени Іона, наблюдаетъ и описываетъ увлекательно и вѣрно нравы горскихъ племенъ, монастыри, церкви; но мнѣ никогда не случалось видѣть этого сочиненія.

Въ заключеніе настоящаго обзора, мнѣ остается еще упомянуть о путешествіяхъ, совершенныхъ въ 1822 году княземъ Аваловымъ, нынѣ живущимъ, какъ кажется, въ Москвѣ, и позднѣе г. Николаемъ Чубиновымъ, какъ въ Египетъ, такъ и въ Палестину; описаній этимъ путешествіямъ, сколько мнѣ известно, не существуетъ. Наконецъ, въ 1848 году, г. П. И. Юсселиани былъ на Афонской

горѣ, откуда привезъ нѣсколько пудовъ драгоценныхъ рукописей грузинскихъ, особливо же желодчинный переводъ Библіи, Св. Евтимій и нѣсколько мало-извѣстныхъ жизне-описаній Святыхъ. Прочіе результаты его изслѣдованій помѣщены и мѣ въ Закавказскомъ Вѣстникѣ.

И такъ кажется, что въ последнее время Грузины стряхнули съ себя свойственную родному климату лѣгу, для обновленія себя въ европейской цивилизаціи. Я знаю многихъ изъ нихъ, которые въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ посѣщали Германію, Францію и Англію. Мнѣ остается теперь говорить о молодомъ Грузинѣ, пламенномъ патриотѣ, одаренномъ замѣчательными поэтическими способностями — который посвятилъ себя отыскиванію отечественныхъ древностей.

II. О повздки г. Мегвинетхуцесова.

Я уже нѣсколько разъ сообщалъ Академіи объ археологическихъ розысканіяхъ, предпринятыхъ въ Грузіи, подъ покровительствомъ Князя Намветиника Кавказскаго, служащимъ въ Горійскомъ уѣздномъ судѣ г. Дмитріемъ Мегвинетхуцесовымъ. Прекрасные результаты первой его повздки, о коихъ напечатано въ нашемъ Историко-археологическомъ бюллетенѣ, т. VI, №№ 11, 12, 13, и въ дополненіе 6-го донесенія о моемъ археологическомъ путешествіи, удостоились одобренія Академіи, и она ходатайствовала предъ Княземъ Намветиникомъ о дозволеніи г. Мегвинетхуцесову продолжать повздки свои въ разныхъ мѣстахъ еще не изслѣдованныхъ. Просьба сія была благоеклонно принята, и мнѣ поручено было составить планъ и указатель мѣстъ, обывавшихъ обильную жатву древностей. Планъ мой обнималъ, въ порядкѣ сообразности степеней ихъ важности, часть бывшаго Ахалъхскаго Пашалыка, оставшагося во владѣніи Турокъ, Грузію на югъ Куръ и Кии, наконецъ Имеретію и северную горную часть тивдисской губерніи.

Такъ какъ часть этой программы нынѣ выполнена, то я считаю долгомъ представить Комисеренціи Академіи отчетъ о результатахъ изслѣдованій г. Мегвинетхуцесова и о матеріалахъ имъ собранныхъ.

Не буду повторять о первой повздки нашего путешественника, совершенной въ концѣ 1848 года и весьма обильной написаніи, въ особенности XI-го вѣка. После того онъ сдѣлалъ еще три вояжа — одинъ въ октябрѣ 1849; другой съ 17-го мая по 22-е іюля 1850 года; послѣдній съ 5-го по 21-е октября того же года. Сверхъ относящихся къ этимъ повзткамъ подробныхъ описаній, г. Мегвинетхуцесовъ доставилъ мнѣ:

1. Отрывокъ объ исторіи монастыря Ларгвнескаго и о происхожденіи знатнаго рода Ксанскихъ Эрставовъ. Отрывокъ этотъ уже переведенъ, напечатанъ и составляетъ XXI прибавленіе къ древней исторіи Грузіи.
2. Сокращенную исторію царя Ираклія II-го, содержащую весьма замѣчательное писмо, писанное имъ къ сестрѣ своей Ангѣ, въ бытность его въ Индіи, на службѣ Надиръ Шаха, въ 1757 и послѣдующихъ годахъ, во время похода на Дели.

И такъ донесеніе мое будетъ разделено на двѣ части, объемлющая описаніе трехъ послѣднихъ повздокъ г. Мегвинетхуцесова и разные историческіе матеріалы.

Прежде нежели коснусь самого предмета, не могу не замѣтить, что не справедливо было бы судить объ усердіи и способности путешественника единственно по обилію и важности результата его розысканій. Въ самомъ дѣлѣ, не увѣнчанныя успѣхомъ розысканія археологическихъ рѣдкостей, стоятъ иногда столько же усилій и трудовъ, сколько

и открытіе сокровищъ въ этомъ отношеніи. Это замѣчаніе покажется тѣмъ болѣе справедливымъ, когда дѣло касается страны, тщательно уже изслѣдованной, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, со средствами, коими не всегда можетъ располагать обыкновенный путешественникъ и когда рѣдкости, скрывавшіяся въ главныхъ мѣстахъ этой страны уже сдѣлались известными.

Я долженъ еще выразить сожалѣніе, что вмѣсто того, чтобъ начать обзоръ съ южной, или турецкой части Ахалъхскаго Пашалыка, г. Мегвинетхуцесовъ первоначально направилъ путь свой въ Имеретію. И въ самомъ дѣлѣ, указанія, сообщаемыя г. Кохомъ, во второмъ его путешествіи, доказываютъ, что самыя замѣчательныя грузинскія древности находятся при верховьяхъ Куръ и въ бассейнѣ Чорока; онъ ихъ видѣлъ, указываетъ ихъ мѣсто-нахожденія и точную топографію; и разборъ этихъ указаній помѣщенъ въ составленномъ мною маршрутѣ. Сверхъ того русскій подданный, пользующійся покровительствомъ Князя Намветиника, встрѣтилъ бы въ той странѣ болѣе содѣйствія нежели измѣнкій путешественникъ. Что касается Сомхетин, то русскія карты и географія Вахушта представляють, равнымъ образомъ, множество положительныхъ указаний, тогда какъ въ Имеретіи, какъ я упомянулъ въ письменной инструкціи, предпринимать поиски можно только на удачу, ибо, ни прежніе путешественники, ни преданія не могутъ служить руководствомъ къ изысканіямъ. Незная причинъ, на которыхъ г. Мегвинетхуцесовъ основывалъ свой выборъ, я далеко отъ мысли сдѣлать ему упрекъ, тѣмъ менѣ заслуженный, что описаніе его повздки въ Имеретію показываетъ намъ, что онъ время употреблялъ съ пользою, содержитъ достаточное количество новыхъ и интересныхъ матеріаловъ, и представляетъ намъ доказательство, что большая часть изъ памятниковъ, заслуживающихъ вниманія сдѣлать теперь известными.

III. О второй повздки г. Мегвинетхуцесова.

Въ южной части горійскаго уѣзда, которую г. Мегвинетхуцесовъ не обозрѣвалъ въ 1848 г., въ Хидисъ-Тавѣ, онъ нашелъ крестъ, исправленный въ 1796 г. царевичемъ Фарнавазомъ, нынѣ еще живущимъ. Крестъ этотъ по преданію, былъ первоначально сдѣланъ изъ кипариснаго дерева выросшаго во Микхетѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ крестъ Спасителя.

«Означенный крестъ, говоритъ г. Мегвинетхуцесовъ, находился сперва въ деревнѣ «Ахалджуръ, нынѣ принадлежащей фамиліи «Саакадзевыхъ, и оттуда онъ былъ перенесенъ въ церковь Хидисъ-тавскую».

Не добывая до Крковскаго монастыря, въ небольшомъ грузинскомъ участкѣ Салжаванскомъ, нашъ путешественникъ видѣлъ лицу, весьма уважаемую по преданію въ семействѣ Джавахисъ-швили, ибо если на ней сломается вѣтка во время сильной болѣзни одного изъ членовъ того семейства, то считаютъ это дурнымъ предзнаменованіемъ и потому когда одинъ изъ Джавахисъ-швили болѣзнъ, дерево осматривается каждое утро.

По близости отъ церкви, находящейся при рѣкѣ Шабъ-цхала, путешественникъ былъ удивленъ встрѣчею съ русскимъ пустыннокомъ. Человекъ этотъ, сначала предназначенный въ духовное вѣдомство, отдалъ былъ въ военную службу; послѣ пятнадцати-лѣтнихъ походовъ, онъ сдѣлался дьячкомъ въ какой то церкви и пробывъ также пятнадцать лѣтъ въ этомъ званіи. Съ той поры онъ посвятилъ себя молитвѣ и живетъ собственнымъ трудомъ, выдѣлываетъ не большія столярныя издѣлія, которыя продаетъ сосед-

нимъ жителямъ или промывиваетъ на жизненные припасы.

Далѣе, въ Саурбисѣ, г. Мегвинетхусесовъ осматривалъ церковь Св. Георгія, имѣющую надпись *хуцурі*, 512 года, и которая, какъ кажется, построена двумя совершенно неизвѣстными, лицами: Евстате и Каха, о которыхъ съ большою вѣроятностію полагать можно, что они жили въ 1052 году, а не въ 1624, когда Грузины едва ли имѣли досугъ сооружать памятники: и такъ построение этого зданія можетъ относиться къ царствованію Давыда возобновителя.

Большая церковь Метехійской Божіей Матери была тщательно осмотрѣна и въ ней найдены двѣ надписи особенно интересныя: въ одной царь Дуарсабъ говоритъ, что онъ эту церковь построилъ и предаетъ себя милосердію Божію; въ другой, съ означеніемъ 1642 года, упоминается о Католикосѣ... сынъ *Иатана* Амилахора. Сколько мнѣ известно писанная исторія ни слова не говоритъ о построеніи Метехійской церкви на берегу Куры, но судя потому, что надпись сдѣлана на одномъ изъ камней купола, полагать можно, какъ пишетъ и путешественникъ, что царь Дуарсабъ не строилъ церковь, а только возобновилъ куполъ. Изъ числа грузинскихъ царей лишь двое носили это имя: послѣдній, который былъ убитъ по приказанію Шахъ-Аббаса 1-го въ 1622 г., кончилъ жизнь послѣ бурнаго царствованія своего въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, что я считаю совершенно невозможнымъ приписывать ему эту постройку; другой Дуарсабъ напротивъ того царствовалъ между 1555 и 1558 годами, имѣвъ на то гораздо болѣе правъ. Что касается до надписи, упоминающей о Католикосѣ Николосѣ Амилахорѣ, который, на самомъ дѣлѣ, правилъ грузинскою церковію между 1676 и 1695 годами, то я подвергну ея критикѣ при разборѣ описанія путешествія; то же самое я сдѣлаю какъ относительно надписи на образѣ, списанной въ небольшой церкви по близости отъ Метехи, странной по изложенію, и принадлежащей къ концу XVII столѣтія, такъ и по предмету нѣкоторыхъ интересныхъ замѣтокъ, найденныхъ на рукописяхъ не очень древнихъ.

Окончу обзоръ этой повѣдки приведеніемъ историческаго разсказа касательно деревни Гоми, въ которой находится не большая крепостца, обращающая на себя вниманіе по трагическому происшествію тамъ случившемся въ XVII вѣкѣ.

«Когда Гизи ханъ начальствовалъ въ Тифлисѣ, во время Шахъ-Аббаса, какъ объясняетъ путешественникъ, до свидѣнія его было доведено о красотѣ и прелестяхъ Хамперванъ, сестры тавада Георгіа Магала-швили, управлявшаго царскимъ дворомъ, которая сохранила дѣвственность до 40 лѣтъ, ведя жизнь добродѣтельную и благочестивую. Рѣшась ея овладѣть, ханъ отправилъ къ ней нѣсколькихъ мусульманъ и възвѣстъ съ ними нѣкоего Саба Орбеліана. При этомъ извѣстїи Хампервана вскричала: «скорѣе обречусь на смерть, нежели предамся этому нечестивому злодѣю». Съ этими словами, пламенно прижавъ къ груди небольшой образъ Богородицы, она произнесла со слезами слѣдующую молитву: «Пресвятая Богородице, прими мою незапятнанную душу и избавь меня отъ Агарянъ, пришедшихъ похитить меня». Тогда она вмѣстѣ съ образомъ бросилась съ крепостцы на скалу, со стороны къ Мтквари, и съ этой 60-ти сажень-

пой высоты она упала разбитая и безъ чувствъ. При видѣ столь неожиданнаго происшествія, мусульмане и Саба, оставивъ Хампервану, поспѣшно возвратились въ Тифлисъ. Нѣкто по имени Соломонъ Джавахишъ-Швили, который искренно ее любилъ и желалъ съ нею обвѣнчаться, написалъ по этому случаю стихи, которые сохранились и повторяются до сихъ поръ въ народѣ.

Зимнее время и дурная погода положили конецъ этой повѣдкѣ, поздно предпринятой; но большая часть историческихъ матеріаловъ, упомянутыхъ въ началѣ сего донесенія, была собрана послѣ возвращенія путешественника.

IV. *Повѣдка г. Мегвинетхусесова въ Мингрелію и Имеретію.*

Мнѣ предстоитъ теперь дать отчетъ о повѣдкѣ г. Мегвинетхусесова въ Мингрелію и въ Имеретію, съ 17-го Мая по 2-е Іюля 1850 года, но я ограничусь указаніемъ на самые замѣчательные результаты этой повѣдки: подробности о мѣстныхъ нравахъ и преданіяхъ занимаютъ здѣсь значительное мѣсто.

Въ Кутаисѣ г. Мегвинетхусесовъ имѣлъ случай вновь повѣрить годъ 1022-й, выставленный индо-арабскими цифрами на одномъ изъ оконъ Собора. Я объ этомъ упоминаю потому, что до сихъ поръ Грузины упорно отказывались согласиться съ объясненіемъ этого любопытнаго факта ихъ древней исторіи. Я имѣлъ однако случай обнаружить то обстоятельство, что на другихъ двухъ древнихъ грузинскихъ зданіяхъ, а именно монастырѣ *Веревскомъ* и церкви *Цвиццетской*, совершенно современныхъ Кутаиской церкви, по всей вѣроятности находится изображеніе чиселъ такими же цифрами, съ которыхъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось достать новыхъ снимковъ (*) обстоятельство это и невозможность, въ которой Грузины нашли объяснить себѣ, съ помощью своихъ буквъ знаки *ᲑᲗ ᲑᲗᲗ*, изображенные въ Кутаиской церкви, привели однако товарищю г. Мегвинетхусесова къ заключенію «что знаки эти должны быть арабскіе».

Въ архивѣ Кутаискаго суда г. Мегвинетхусесовъ снялъ копию съ чрезвычайно-замѣчательнаго и неизвѣстнаго доселѣ документа,

(*) Числа эти были открыты и скопированы г. Мегвинетхусесовымъ въ одну изъ предшествовавшихъ его повѣдокъ; но есть еще нѣкоторыя сомнѣнія касательно очертанія цифръ.

именно царской грамоты на пергаментѣ, определяющей вознагражденіе за кровь членовъ семейства Авшадалде въ непомѣрную сумму 240,000 *ботинауровъ* старинными деньгами (около 60,000 руб. ассигнац.) особенная эта милость объясняется слѣдующимъ образомъ: въ то время когда царь Давидъ возобновитель занять былъ постройкою Гелата, онъ однажды упалъ со стѣны и, заблѣвъ отъ послѣдствій этого паденія, получилъ исцѣленіе чрезъ употребленіе молока оленяцы, которое доставлялъ ему одинъ изъ предковъ названнаго семейства. Актъ этотъ, шестой изъ виденныхъ мною въ этомъ родѣ, былъ нѣсколько разъ подтверждаемъ преемниками царя Давида и вновь списанъ переписчиками, мало знакомыми съ старинными формами, такъ что въ изложеніи его представляется много погрѣшностей: онъ данъ первоначально въ XII вѣкѣ, но послѣднее его подтвержденіе и списокъ относятся къ XV столѣтію.

Изъ Кутаиса путешественникъ отправился въ Мингрелію, слѣдуя почти по той же дорогѣ, по которой и я проѣзжалъ, и тамъ, онъ видѣлъ, за небольшими исключеніями, только-то, что было мною уже замѣчено. По сему я долженъ въ настоящемъ отчетѣ указывать лишь на одни факты новые, и изъ нихъ по преимуществу на самые замѣчательные.

(Продолж. въ слѣд. №)

ПРИБЫЛИ: Іюля 4-го: изъ Гамборъ, Надворный Советникъ *Бадановичъ* и Прапорщикъ *Ильинскіе*. 5-го: изъ Горіи, Подполковникъ *Петровъ* и Коллежскій Ассесоръ *Арутинскій*. 6-го: изъ Ростова, Майоръ *Гордиинскій*. 8-го: изъ С. Петербурга, Надворный Советникъ *Брисковъ*, изъ Ставрополя, Надворный Советникъ *Андреевскій*.

ВЫЪХАЛИ: 4-го Іюля: въ Боржомскій участокъ, отставной Титулярный Советникъ Князь *Арутинскій Долгорукій*. Въ С. Петербургъ, Штабсъ-Капитанъ *Зыбинъ*. Въ Горію, Коллежскій Регистраторъ *Райсъ*. Въ Манглисъ, Полковникъ *Булаковъ*. На Бѣлый ключъ, Капитанъ *Зыберъ*. Въ Боржомъ, Коллежскій Секретарь *Сидоренко*. Въ сел. Квесети, Губернскій Секретарь *Оникозъ*. Въ Крымъ, Полковникъ *Славичъ*. Въ Марткоби, Коллежскій Ассесоръ *Васильевъ*. Въ Кахетію, Надворный Советникъ *Пестеровскій*. Въ Душетъ, Лекаръ *Драздовскій*. 7-го: въ Боржомъ, Войсковою Старшина *Майсурадзе*.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ. 1852 ГОДА.

Часы	Термометръ Р°		Сыръсть воздуха	Барометръ при 13 1/2 Р°. Русск. полуин.	Направленіе вѣтра.	Состояніе Неба	Наименьшая Темпер. Рео.	Мѣсяца и числа.
	Сухой.	Смоч.						
7 утра.	+14.6	+11.7	0.67	569.44	С. сильн.	Облачно.		4-го Іюля.
12 полд.	+18.1	+13.6	0.56	569.12	СЗ. умѣр.	— — —		
4 по полд. ввч.	+20.3	+14.6	0.49	568.34	С. слаб.	— — —	+13.8	
7 утра.	+14.7	+11.2	0.94	568.84	Ю. оч. сл.	Пасм. и накр. д.		5-го Іюля.
12 полд.	+18.9	+13.7	0.68	568.22	Тихо.	Облачно.		
4 по полд. 9 ввч.	+19.3	+16.1	0.69	567.62	— — —	— — —	+13.2	
7 утра.	+14.0	+11.5	0.94	567.37	С. оч. сл.	Пасмурно в дожд.		6-го Іюля.
12 полд.	+18.5	+15.2	0.67	567.12	— — —	Облачно.		
4 по полд. 9 ввч.	+18.2	+13.8	0.57	566.84	СЗ. умѣр. СЗ. сильн.	Об. разс.	+12.8	
7 утра.	+15.7	+12.4	0.64	566.48	— — —	— — —		7-го Іюля.
12 полд.	+15.7	+12.4	0.64	566.48	СЗ. сильн.	Об. на гориз.		
4 по полд. 9 ввч.	+20.2	+13.9	0.44	567.74	С. — —	— — —	+12.9	
7 утра.	+21.9	+13.5	0.32	567.49	СЗ. слаб.	Обл. на гориз.		7-го Іюля.
9 ввч.	+17.8	+12.7	0.51	568.23	— — —	— — —		

Примѣч. 5 Іюля съ 2 ч. 46 м. до 5 ч. 19 м. пополуночи видна была молнія на Ю. гор. съ 5 ч. 14 м. до 5 ч. 44 м. по полд. и съ 4 ч. 53 м. до 7 ч. 30 м. уг. шел. д. съ 3 ч. 43 м. до 5 ч. 41 м. по полд. накр. дожд. съ 3 ч. 50 м. до 5 ч. 57 м. шелъ д. съ 8 ч. до 46 м. до 9 ч. накр. д. а съ 10 ч. до 11 ч. 48 м. шелъ дожд. 6 Іюля съ 12 ч. 14 м. полночи до 5 ч. 41 м. пополуночи и съ 6 ч. 2 м. до 7 ч. 51 м. утра шелъ д. въ 6 ч. 9 м. утра слышенъ былъ громъ, съ 9 ч. 14 м. до 9 ч. 30 м. утра накр. дожд. 7 Іюля съ 12 ч. 19 м. полд. до 5 ч. 29 м. утра видно было блистан. молнія на ЮВ. гор. Колич. вып. д. в. 0,911 р. дюйм.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.